

довое крепленое крепкое улучшенного качества), и транслитерированные или транскрибированные англо- и франкоязычные слова (“*IQай кью*” – вино фруктово-ягодное натуральное столовое полусухое ← из англ. Iq; “*Дежа-вю*” – вино плодовое крепленое специальной технологии ← из фр. *déjà vu*; “Ностальжи” – вино плодовое крепленое крепкое улучшенного качества ← из фр. *nostalgie*).

Любой прагмоним, будучи наименованием продукта практической деятельности человека, является в то же время и рекламным онимом, а это значит не случайным, а таким, в котором уже при появлении заложено будущее воздействие на потребителя. Отсюда неслучайно и то, что в семантическом плане наименования вин могут быть расклассифицированы на следующие основные группы. Среди русскоязычных наименований лидирующую позицию по количеству единиц занимают названия, формирующие группу *Природа* («*Яблочно-черносмородиновое*», «*Черноплодная мозаика*», «*Дубравушка*» и др. Кстати, белорусскоязычные названия данной группы находим лишь на пятой позиции: “*Вясковы сад*”, “*Верасовае*”, “*Буриштын*”); среди белорусскоязычных – наименования группы *Человек* («*Шаноўны гасць*», “*Рагнеда*”, “*Паляўнічы*” и др.).

Отличаются большей востребованностью в белорусскоязычном корпусе названия группы *Региональная тематика*: “*Белья росы*”, “*Слоні́мская чараўніца*”, “*Талачынскае. Асілак*” и др.

Остальные группы наименований вин в русскоязычной и белорусскоязычной фиксации занимают сходные или одинаковые позиции. Например, группа *Время*, находящаяся на втором месте среди белорусскоязычных наименований (“*Вераснёвы хіт*”, “*Шчодрая раница*”, “*Водар восені*” и др.), оказывается на третьей среди русскоязычных («*Золотая пора*», «*Начало июня*», «*На закате*» и др.); группы же “*Положительные ассоциации*” (“*Восторг*”, “*Империя солнца*”, “*Тайный вкус*”, “*Загадкавае*”, “*Задавальненне*”, “*Чароўны смак*” и др.), “*Искусство*” (“*Трио*”, “*Бенефис*”, “*Весёлая кадриль*”, “*Батлейка*”, “*Запаведны напеў*” и др.), “*Пространство*” (“*Над Щарой*”, “*Раздолье*”, “*У костра*”, “*На ростанях*” и др.) на одинаковых – четвертой, шестой и седьмой – позициях и в русско-, и в белорусскоязычном прагматонимиконах.

Заключение. Таким образом, названия плодово-ягодных вин способны эксплицировать информацию культурного, исторического, географического, социального и другого характера. Специфика русско- и белорусскоязычных прагмонимов-наименований вин Беларуси заключается, во-первых, в значительном превалировании первых (87,4%) над вторыми (12,6%); во-вторых, разным набором основных семантических групп названий, задействованных в номинативном процессе на белорусском и русском языках.

Список литературы

1. Капелюшник Е.В. «Сладкое» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля еда / пища) / Е.В.Капелюшник // Язык Текст - Дискурс: Традиции и новации. - Самара, 2009. - С. 107-114; Сеничкина, Е.П. Обозначения употребления алкоголя: область вторичной номинации / Е.П. Сеничкина, Е.Ю. Долгова // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках): мат-лы междунар.науч.конф., Брест, 19-20 апр. 2007 г.: в 2 ч. / под общ.ред.д-ра филол.наук В.И.Сенкевича. – Брест: Изд-во БрГУ, 2007. – С. 167-171; Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных обрядов в русском и итальянском языках / Е.А.Юрина // Язык и культура. – Томск, 2008. – №3. – С. 83–93.

СПЕЦИФИКА СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Е.Ю. Муратова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В самом общем понимании сочетаемость слова в естественном языке – это информация о заданных языковой системой требованиях, которые оно предъявляет к другому слову, синтаксически с ним связанному.

В поэтическом тексте синтагматические отношения имеют иной характер. «Положение знака в системе поэтического текста, – писал Я. Славинский, – определяет другой знак, обоснованием значения служит другое значение, а не внеязыковая ситуация. Обесценение «мира» как контекста для знака увеличивает роль языкового контекста» [1, 266]. Цель данной работы – показать, что в поэтическом языке при нелинейной сочетаемости лексических единиц происходит возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции.

Материал и методы. Материалом исследования послужили поэтические тексты Б. Ахмадулиной. Применялись основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации.

Результаты и их обсуждение. Многие алогичные, на первый взгляд, неузуальные сочетания лексических единиц в поэтическом тексте отражают диалектику преобразования слова в поэтическом тексте. В противоречивых сочетаниях проявляется логика поэта, по-своему структурирующего действительность, в которой *рукоделие* может быть *кротким*, *звезда* – *высокородной*, *двор* – *непреклонным*, *сад* – *богобоязненным*, *тайна* – *похудевшей*, *рассветы* – *онемевшими*, и т.д. В 426 исследованных стихах поэта нами выявлено более 5 тысяч неузуальных сочетаний лексем, т.е. в каждом стихотворении поэта фиксируется не менее 12 таких сочетаний.

Характерной приметой лирики Б. Ахмадулиной в этом плане является значительная частотность приименного и практически полное отсутствие приглагольного родительного падежа при сочетании существительных: *важность ворот*, *измышление дыма*, *упасенье черемух*, *труп розы*, *труд коньков*, *ловцы стаканов и тарелок*, *многозначенье мысли*, и др. Б. Ахмадулина не использует приглагольный родительный падеж, выражающий в основном объектные отношения, а в приименном выявляет в основном субъектные и определительные отношения, это говорит о том, что ее интересуют в первую очередь не объекты, а субъекты действия и их оценка.

Через своеобразное соединение лексем, которое невозможно в узусе, поэт создает художественный образ мира, моделирование которого происходит на основе важнейших сущностных свойств человека – его отношения к жизни, смерти, любви, природе. В тексте возникает особое виртуальное денотативное пространство, которое может расширяться, углубляться, увеличиваться, а может, наоборот, дробиться, представляться не единым, а как будто дискретным, когда его элементы подвергаются не просто номинации, а являются денотатами «рисующих» поэтическим словом образов: *труп розы*, *вид беды*, *звонок испуга*, *нагота лица*, *выдох уст*, *многозначенье грусти*, *открытость входа*, *шрам ожога*, *вглядчивость зрачка*, *гений глаза*. Возникшие смыслы не фиксируются в словарях, поскольку эти значения возникают и «витают» в ином, нелинейном семантическом пространстве поэтического текста. Так, в реальном мире и реальном словарном составе языка, отражающего естественный мир, глаз не имеет наготы; шрам может иметь человек (от ожога), но не сам ожог и т.д.

Рассмотрим механизм появления новых смыслов на следующем примере: *меня заманивали в глубь / чужих печалей, свадеб, вздоров*. В данном выражении проявляется словарное значение глагола *заманить* – «привлекая чем-нибудь, завлечь» [2, 172]. Главная зона смыслопорождения находится между первой и второй строкой: *заманить в глубь чего?* Именно здесь возникает диссипация нового смысла. Существительные отражают разные ипостаси реальной жизни, в которой есть и печали, и радости, и бессмысленность. Форма множественного числа существительных усиливает ту чуждую «круговерть», которая страшит лирическую героиню и которой она сопротивляется, но, видимо, не всегда успешно. Почему страшит? Потому что там все – *чужое* и туда *заманивают*. Словарные значения этих слов дают следующее семантическое направление: если есть чужое, то должно быть и свое? Есть понимание «своего» в широком смысле слова, т.е. это не только именно твое, принадлежащее тебе, но близкое, родное, созвучное твоей душе, твоему мировоззрению и пониманию бытия. В «свое» идешь сам, и идешь не задумываясь. Возможно, и в «своем» есть вздоры, но они – другие вздоры, и другие печали, и другие свадьбы. Проживание не своей жизни – не такой уж редкий сценарий, а сила сопротивления чужому – это, возможно, и есть сила духа сильной личности. Ни одна лексема в отдельности в данном выражении не несет такие смыслы, трансцендентные смыслы возникают при взаимоналожении разных сем значений данных лексем.

Заключение. Анализ нелинейных сочетаний в лирике Б. Ахмадулиной показывает, что их объединение в поэтическом тексте не выливается в простую комбинацию лексических значений данных. Данные сочетания репрезентируются в сознании как сложные концептуально-когнитивные структуры: каждое такое сочетание не только рождает новый художественный смысл, но и вбирает в себя, одновременно и органично, все логические противопоставления, часто несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью.

Список литературы

1. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 256–276.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. 20-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.